

ЕЛЕНА РОНИНА

ЗАВТРА БЫЛИ
ПИСЬМА

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Иллюстрация на обложке *Катерины Киланянц*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© AngieYeoh / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ронина, Елена.

Р71 Завтра были письма / Елена Ронина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-191196-6

Слава Карелина, писательница и издатель модного журнала о путешествиях, приезжает на Франкфуртскую книжную ярмарку и останавливается в роскошном отеле в Висбадене. Когда-то именно тут начинался ее бурный роман с немецким бизнесменом Норбертом Майером. Славе хочется разобраться в своих чувствах и понять, правильное ли решение она приняла восемь лет назад.

Во Франкфурте Слава встречается со своей подругой Ритой. Рита старше, она уже двадцать лет живет в Германии и счастлива. Неожиданно для Славы Рита передает подруге свою переписку. Когда-то у нее был курортный роман, оставивший в ее жизни яркий след...

УДК 821.111-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ронина Е., 2022

© Оформление.

ISBN 978-5-04-191196-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Никогда не возвращайтесь в прошлое.
Не стоит искать сегодня тот миг радости,
который посчастливилось пережить вчера.

Индийские мудрецы

Пролог

Слава стояла посреди леса на уютной солнечной полянке. Ветер ворошил листья берез, мелко шелестели осины, покачивались стволы кряжистых сосен.

Слава посмотрела вверх. Солнце светило мягко и ласково, не ослепляло, не обжигало. Опять шум осин, как будто кто-то быстро перелистывал плотные страницы книги. Почему деревья шумят так по-разному? Дубы — с тихим гулом, сосны — со скрипом, березы — радостно, как смехом заливаются, а осины — всегда тревожно, всегда с нервным шелестом.

Если бы Слава могла, она бы обхватила одно из этих стройных деревьев с небольшими круглыми листочками, прижалась к стволу с серой корой всем телом и постаралась успокоить, остановить эту вековую дрожь.

Удивительно пахло ландышами и грибами. Разве так бывает? Как могли встретиться запахи весны и осени? Может быть, это сон? Да нет же, во сне не бывает запахов, не ощущаются порывы ветра, а здесь — все реально. Почему тогда она — блондинка, и у нее кудрявые волосы, и кто этот мужчина напротив — вы-

сокий брюнет с красивым скуластым лицом, в костюме? Пиджак надет поверх синей олимпийки, так давно уже никто не носит. Похожую олимпийку с молнией-змейкой на груди носил еще Славин папа. Синяя олимпийка с белой отделкой по вороту и манжетам.

Мужчина улыбался Славе, как улыбаются очень близкому и родному человеку. Во взгляде столько любви, столько нежности! Слава почувствовала эту нежность так, как будто она была вложена в прикосновение, а не во взгляд.

Вдалеке лаяли собаки, легкий ветерок развеивал Славин кудри, а молодой мужчина все смотрел, смотрел и улыбался. Черные волосы с небольшой проседью зачесаны назад, руки скрещены на груди. Мужчина стоял, широко расставив ноги. Так стоят спортсмены или просто уверенные в себе люди. Подбородок немного приподнят, голова чуть склонена набок, во взгляде читается вопрос. Мужчина как будто спрашивает: «Где ты? Почему тебя так долго нет?» Взгляд немного беспомощный и виноватый.

Глава 1

Так Слава и проснулась: с ощущением счастья и с улыбкой на губах. Приснится же такое! Почему она вдруг стала блондинкой? Слава всегда была рыжей, никогда цвет волос не меняла, хотя мысли такие были, да и парикмахеры советовали. «У вас очень белая кожа, но конопушек никаких, вы вполне можете отойти от рыжей гривы, в вашем случае она смотрится неестественно. Снежная зима».

«Как могут быть неестественными натуральные волосы?» — думала Слава и не шла на поводу у мастеров.

Ну, собаки — ладно, это к друзьям. Сегодня она встречается с Ритой, вот тебе и собаки. Почему они лаяли беспрестанно, тоже ясно: Рита болтает без остановки. Естественно, скучает по русской речи. А вот мужчина, кто это?

Как правило, Слава во сне видела реальных людей, а этот человек был ей абсолютно незнаком. Она видела его впервые. Вот одет он был как папа. Странно. Может, это к тому, что она давно не была у папы на могиле?

И сразу пришло чувство легкого стыда. Ну как же так. Вот вернется из командировки, и надо сразу же

сходить. Не откладывая. Слава знала, что это важно и для мамы, и для нее самой. Можно ли напитаться энергией на кладбище? Странно, но в ее случае именно так и происходило. Кто-то в церковь ходит, кто-то в баню, кто-то к психологу, а она — к папе на кладбище.

Решено: возвращается, и сразу же на Николо-Архангельское.

Слава посмотрела на часы. Семь тридцать, нужно вставать и идти в ресторан завтракать.

Она еще раз попыталась ухватить какую-нибудь нить сна. Если немедленно не сосредоточиться, все подробности улетучатся, и Слава уже никогда не поймет, зачем ей приснился этот сон. А может, и не нужно понимать? Когда-то она жила по снам. Вычитывала в сонниках их значения, расшифровывала, следовала, как ей казалось, советам, которые услышала ночью... Потом перестала обращать внимание. Только время тратить. Но в этом сне хотелось остаться — его настрой был таким... теплым, что ли.

Она встала с кровати и подошла к большому зеркалу. Да нет, такая же рыжая, с копной непослушных волос и достаточно стройная. Та женщина, из сна, была полноватая. Странно, что во сне человек может видеть себя со стороны.

Слава растрепала волосы, чтобы немного взбодриться, потянулась и пошла в ванную комнату. По дороге нажала на телевизионный пульт, нашла новости. Это всегда только фон и еще возможность

видеть время и, собираясь, ориентироваться на него. Семь тридцать пять. И на дворе две тысячи тринадцатый. Или просто тринадцатый? Это цифра никогда не была для Славы приносящей беду, и все-таки пусть будет красивая дата, полностью.

Когда-то, в далеком детстве, Слава думала: а как это будет в двухтысячном году? Она же станет древней старухой. Тридцать шесть лет, что это за возраст? Она даже представить себя не могла тридцатишестилетней. Почему-то могла сорокалетней, ясное дело — жизнь позади. В пятьдесят — это уже не жизнь, а так, доживание. Все, возвращаемся с ярмарки!

То есть до двадцати еще весело едем на ярмарку. Ну ладно, пусть будет до тридцати. И все весело, потому что впереди нас ждет праздник, полный развлечений, сюрпризов, подарков, ярких красок и смеха. А потом — все! Все с горы. Да, юношеский максимализм. И вот уже рубеж пройден, и можно оглянуться назад и спросить у самой себя: а что такое тридцать шесть лет?

Как выяснилось, тридцать шесть лет — это тот же подросток. И ветер в голове, и тот же юношеский максимализм, и сильно не задумываешься о том, что дальше. Впереди еще вагон времени и четкое ощущение, что до ярмарки еще ехать и ехать! Все самое интересное только ждет!

Сегодня ей сорок шесть, она зрелая молодая женщина. И ярмарка как раз здесь и сейчас. Про-

сто женщиной она станет, наверное, в пятьдесят. Но скорее всего все-таки в пятьдесят шесть или вообще ближе к шестидесяти. Да, шестьдесят лет — возраст абсолютного счастья. Об этом Слава как-то прочитала в немецком журнале. И уже не удивилась, поверила — так и есть. Возраст, когда женщина лишается сразу всех комплексов, она больше ничего и никого не стесняется, ей все по плечу, у нее есть деньги, чтобы хорошо выглядеть, есть время заниматься собой.

Но тем не менее миллениума она ждала. А что впереди, как оно будет, в другом тысячелетии? Получалось, что люди, перешагнувшие порог, — участники большой истории. Им предстояло жить сразу в двух веках. Не всем такое суждено.

На удивление мало все изменилось. Так же жили, так же бежали на работу, ругались, радовались солнцу, прятались от дождя. Никакой сказки, никакого чуда.

Во всем этом новом тысячелетии Славу раздражало только одно: когда год обзывался одной цифрой. Допустим, «это случилось в первом году, а это — в третьем». Это казалось ей несправедливым по отношению к масштабности события. Ну какой он первый? Разве так можно?! Поэтому она всегда и везде использовала для года четырехзначный формат: это случилось в две тысячи седьмом году.

Да, она во всем была человеком конкретным. Именно это качество и помогло ей несколько лет на-

зад создать и возглавить успешный на сегодняшний день журнал. Романтика в ее натуре тоже присутствовала, но никогда не могла увести в сторону от того, что задумано.

* * *

Слава никогда не изменяла себе, на завтрак всегда брала кофе. Чай — это уже потом, в течение дня. И никаких зеленых сортов, никакой мяты и бергамота. Только черный. Можно добавить лимон. Но день хорошо начинать с кофе — своеобразного наркотика, заменяющего сигареты и все остальное, вредное и для организма не полезное.

Американо с молоком и без сахара. Кофе обязательно должен быть очень горячим. И такое же горячее молоко. Эта фраза произносилась всегда, и сегодня была сказана официанту с неизменной улыбкой и немного виноватым пожатием плеч. Ну что поделать, я не привередливая, просто день длинный, еще и рабочий. Заряд бодрости получен будет именно здесь, так пусть же и настроение соответствует прекрасной солнечной погоде, установившейся в эти октябрьские дни.

Опять октябрь. Как тогда. Она хотела вернуться в этот отель, ей было интересно еще раз взглянуть на красивую лужайку через огромную стеклянную стену ресторана, еще раз пройтись по прямым тихим коридорам отеля, утопая каблуками в длинном ворсе ковров,

и пусть портье улыбаются в этот раз ей, а не ее спутнику из прошлого. Это ОНА заказала номер, ОНА за него платит, ОНА никого не сопровождает.

* * *

В прошлый раз Слава испытала шок от этой сумасшедшей роскоши, от респектабельности, в которую нежданно-негаданно окунулась. Как ей казалось, толком она тогда даже ничего и не разглядела: неудобно было вертеть головой по сторонам, поэтому в основном она смотрела под ноги и улыбалась.

А на поверку вышло, что все она прекрасно помнит! Даже швейцар, который вчера открывал перед ней дверь, был тот же самый, и портье, который нес за ней чемодан.

Портье из мальчишки превратился в приятного молодого мужчину, швейцар немного постарел, но ему это шло. А она сама, Слава? Как выглядела она? Сколько лет прошло? Восемь? Она стала лучше, она это точно знала. Между прочим, благодаря этому отелю тоже.

Да, за это время она очень сильно изменилась. Превратилась из принцессы в королеву. Или скорее все-таки из служанки? Конечно, из служанки. Славе нравилась эта классификация, недавно вычитанная в каком-то модном журнале. Служанка-Принцесса-Королева. Служанки мечтают о доброй фее, принцессы — о прекрасном принце. Королевы не мечтают, а действуют.

Служанки верят, что чудеса случаются, с принцессами они действительно случаются, а королевы творят их сами. Служанки слабы, но кажутся сильными, принцессы сильны, но кажутся слабыми. Королевы обходятся без маски. Служанки во всем винят себя, принцессы — других, королевы делают выводы. Служанки не умеют побеждать. Принцессы не умеют проигрывать. Королевы не соревнуются.

Конечно, в первый раз она вошла в этот отель как та самая служанка. Ей не нужен был никакой принц, а вот чуда хотелось. Неуверенности в себе было море, чувство вины — постоянное, всегда можно найти причину, недовольство собой — тоже. Какая уж там принцесса! А о королеве и говорить не приходилось.

Да, учиться можно начинать и в сорок лет. Тогда ей только-только исполнилось тридцать восемь.

* * *

— Мадам, еще кофе?

— С удовольствием. Выпью глоточек. И молоко.

— Да-да, и обязательно горячее молоко. Я помню. Сделаю для вас с удовольствием. Позвольте, я налью сам. Какой сегодня чудесный день, не правда ли? Висбаден в такую погоду особенно красив. Вы были в нашем музее?

— Нет, но в этот раз обязательно схожу. Вы советуете?

— Вы не будете разочарованы, я вас уверяю. Еще что-нибудь? Может быть, свежую газету? Ну, не буду вам мешать. Хорошего дня.

Сколько Слава бывала в Германии, столько ее удивляли невероятной красоты немецкие разговорные обороты. Особенно это касалось ненавязчивых милых бесед ни о чем с официантами в кафе, с продавцами в магазинах.

«Будьте так добры... Будьте так любезны... Я буду рад заплатить вам... Сейчас настал самый приятный момент, момент оплаты».

Да, момент оплаты у немцев — это всегда весело, всегда с шуткой и улыбкой. Причем чем дороже ресторан (магазин), тем шуток больше и преамбулы изысканней.

Как верно... Мы расстаемся с довольно крупной суммой, так пусть нам будет ее не жалко. Ну, или не так жалко. И пусть у нас будет понимание того, что мы платим за необходимое, за самое лучшее, и никогда не вспомним о деньгах, о том, что много потратили. Мы потратили на дело, для себя, и мы это заслужили.

Совсем недавно в одном интервью у Славы спросили: «А как вы относитесь к деньгам? Они для вас важны?»

Слава не раздумывала над ответом. Ее коробили слова, что деньги — мусор, что они ничего не значат, что быть счастливым можно и без денег.

Значат. Еще как значат! Разве, не имея денег, она пила бы сейчас кофе в лучшем отеле Висбадена, а пе-

ред ней с милой улыбкой в достойном поклоне стоял официант? Черта с два!

Другое дело, ей никто эти деньги не дарит, она их честно зарабатывает, работая много и усердно. Именно деньги дали ей свободу, уважение других людей, приблизили к тому самому архетипу королевы.

У нее практически не бывает выходных, она не умеет смотреть в потолок, лежа на диване. Если уж и легла на диван, то с журналом, прочитать нужную статью, а если смотрит телевизор, то обязательно найдется в передаче та фраза, которую она так давно искала, и обязательно это будет ответ на волнующий вопрос, который поможет решить сегодняшнюю проблему.

Каждый вечер перед сном она прокручивает в голове прошедший день. Лучше сказать, пролетевший. Что сделала, что успела. И каждый раз с удовлетворением ставит себе зачет: много успела. День был плодотворным, насыщенным, можно идти дальше. И обязательно составляет план на завтра, и есть план на неделю, а по поездкам — на год вперед, билеты куплены на ближайшие полгода. На рабочем столе лежит календарь, где маркером отмечены дни, когда она не в Москве, чтобы не случилось накладок. И, как правило, они не случаются.

Ритм взят, и он выдерживается. Кто-то завидует, кто-то удивляется: «Как так можно жить? Когда ты отдыхаешь?»

А вот сейчас, к примеру! Когда она пьет кофе и смотрит сквозь стеклянную стену ресторана на див-

ный по красоте парк. Самый что ни на есть удивительный и роскошный отдых. Нужно просто уметь зафиксировать момент. Момент счастья.

Висбаден. Чудо из чудес. Респектабельный маленький городок для состоятельных (Слава не любила этого слова), вернее сказать, — состоявшихся людей. Тогда, восемь лет назад, она ничего не знала ни про респектабельность городка, ни про элитарность отеля. Немного поразили огромные часы на ресепшене. «Константин Вашерон». Вроде как марка уж больно известная. Огромные, круглые, ничем не примечательные часы. Вот только марка. Совпадение или тот самый Константин?

Она позволила себе спросить, хотя понимала, что спрашивает слишком часто:

— А что, бывают и настенные?

Ее спутник тогда усмехнулся.

— Бывают. — И снисходительно посмотрел на напуганную молодую женщину. Ему приятно было открывать для нее новый мир.

Да, Слава смотрела на все эти чудеса широко распахнутыми глазами. Надо же, часы, которые стоят тысячи долларов, висят на стене. Это ж какая у них должна быть цена?!

Слава усмехнулась и аккуратно помешала кофе. А может, и вовсе не нужно вспоминать и сопоставлять? А почему, собственно, и нет? Что ж самой себе противоречить? Приехать — приехала, а вспоминать, значит, не будет? Конечно же, она приехала сюда, чтобы вспомнить. Сказать самой себе: я смогла, я пере-

жила ту историю, мне больше не больно, и я сама хозяйка своей судьбы.

Тоже мне, часы он ей демонстрировал. Хотя, хотя... Много было сделано и вопреки, и наперекор, и чтобы доказать. Но не будем злыми. Благодаря тоже. Именно с Висбадена начался для нее тот совершенно новый мир, о котором даже не мечталось, не думалось. Именно с этого города.

Она всегда была реалистичным человеком. Зачем мечтать о личном самолете или подводной лодке? Оно ей надо? А вот о себе как личности мечталось. И все в ее жизни случилось. Она личность, она собой довольна. Но она одна. А может быть, есть и дорога назад? Вот в тот самый мир, где их было двое? Тот ее спутник ведь сегодня свободен. И она тоже.

Глава 2

Красивый зал ресторана устлан коврами, на столах — накрахмаленные скатерти цвета само¹. Сервировка скорее соответствует ужину, нежели завтраку. И официанты в белых смокингах и бабочках. На каждом столе композиция из свежих цветов.

Слава незаметно потянула носом. Все правильно, только что срезанные розы, причем на каждом столе

¹ Само — от французского *saumon*. Лососевый, розовато-желтый цвет.

розы только одного тона. Где-то белые, где-то лимонные, где-то пурпурно-красные. Она сама тоже хорошо смотрелась в данном интерьере, и она это знала. Уже вошло в привычку брать с собой в командировки наряд не только для ужина, но и для завтрака. Обычно это легкое шерстяное платье (не забываем про кондиционеры) и туфли без каблука. Все должно соответствовать обстановке, но при этом быть удобным, не нарушать общей атмосферы.

Сегодня она тоже была в платье красивого синего цвета. Благодаря рыжим волосам ей шли практически все цвета. Прямой силуэт, короткий рукав, классическая длина до середины колена. Туфли светлые, их же она потом сможет надеть с джинсами (чемодан тоже не резиновый, нужно, чтобы все компоновалось между собой). Волосы она забрала в тугий конский хвост. В течение дня она его распустит, а пока пусть будет так.

Слава ненавязчиво, но с интересом рассматривала сидевших в зале за столиками постояльцев отеля. Это тоже было одним из любимых занятий и также являлось отдыхом. Допивая первую чашечку кофе, она сразу обратила внимание на красивую пару, неторопливо и с достоинством вошедшую в ресторан отеля. Очень пожилой элегантный мужчина (можно было бы назвать его и стариком) вошел, поддерживаемый под локоть своей женой. Жена была лет на двадцать моложе. То есть ему лет восемьдесят, ей лет шестьдесят.

Оба высокие. Он, правда, согнувшийся с годами, но продолжавший гордо держать голову (для этого при-

ходило немного вытягивать шею, ну, раз уж спину распрямить невозможно). Она — с осанкой, как у балерины, и с красивым вывертом ноги, практически по третьей позиции. Пожилая дама знала и про ноги, и про выверт, поэтому узенькие брючки в клетку открывали красивые лодыжки.

Вот где королева, подумала про себя Слава. Королева является! Причем с эскортом. Поглядите все: это мой муж, это я, у нас все хорошо, и мы любим весь мир.

Жена помогла мужчине сесть за столик. Официант уже стоял наготове, отодвигая стул и с улыбкой задавая на первый взгляд ничего не значащие вопросы: хорошо ли спали, все ли в порядке с настроением. Легко и непринужденно подчеркивал, что их номер на втором этаже невероятно удобен. Вид из окна фантастический, и как же хорошо, что в это время он может видеть здесь эту пару, своих любимых и уважаемых гостей! Ведь еще неделя, и начнутся дожди. Ох уж эти дожди в Висбадене! Что нам дожди тропические? Тот, кто о них рассказывает, никогда не бывал в Висбадене. Да, хорошо, что зонты в отеле большие. Естественно, до такси тоже нужно как-то дойти.

Разговор течет и течет. Совершенно ни о чем, но он поднимает настроение. Мы не привыкли к таким разговорам, нам подавай тему. Здесь нет темы. Дождь вот. Это тема?

Вот ведь интересно... Поначалу Славу ужасно раздражала манера немцев говорить ни о чем. А потом

она поняла: это искусство. Причем чем выше и достойнее общество, тем витиеватее и длиннее эти разговоры «ни о чем».

Сейчас ей чертовски приятно было попивать кофе и слушать, как изысканно обсуждают эти трое дивный вид из окна и особенности октября в Висбадене. Да-да, даже официант в курсе того, что эта пара занимает люкс на втором этаже. Это отель премиум-класса. За завтраком вас не спросят, в каком номере вы остановились, не будут долго и нудно искать вас в списке постояльцев и ставить галки напротив вашей фамилии.

А могут и не найти, как недавно случилось со Славой в Берлине. Разведут руками и скажут, что у вас номер «без завтрака». Слава в тот раз была со своей коллегой по работе, причем коллега была приглашена. Заминка вышла неприятной, пришлось подписывать какие-то бумаги, стоять в проходе, изображая бедных родственниц. И кофе уже пили без настроения и с некоторым напряжением. Самое интересное, что минут через десять подбежал запыхавшийся менеджер: их фамилии все же нашли. Менеджер извинился за досадную оплошность. Прямо перед носом у Славы порвал подписанный ею счет за ненадобностью, но настроение было подпорчено. И все-таки вот подбежал, порвал, извинился... Это тоже очень по-немецки.

Слава удивлялась сама себе. Где она живет? В России же и вообще все не так! Но она уже выбирает между Германией и Германией. Про Россию что

там говорить. Недавно она как раз ждала свою коллегу в очень даже престижном ресторане на Большой Никитской.

Коллега опаздывала, поэтому Слава заказала капучино и листала меню. Мимо бегал официант. Она попросила его принести еще одно меню для коллеги, ну так, опять же по привычке, чтобы поддержать какой-то разговор.

Официант принес еще один капучино. И опять же Славе показалось, что она в Германии. Поблагодарив и извинившись, она отказалась от кофе, заметив, что официант ее просто не понял. Он быстро унес чашечку со словами «никаких проблем». И потом, уже в присутствии коллеги, вдруг сказал, что, к сожалению, кофе будет включен в счет. И таки включил его!

У Славы не было другого выбора. Она не хотела портить начало встречи, хотя, если бы была одна, обязательно довела бы эту историю до конца, в крайнем случае пошла бы к администратору. Она так долго ждала эту самую коллегу, что могла и сама тот кофе выпить.

Да... Неприятные воспоминания. В Германии такое в принципе невозможно. А уж применительно к кофе так и вообще странно.

А уж в этом отеле и вообще все по-другому. Вам сразу при входе скажут: «Доброе утро, фрау Карелина, надеюсь, вы хорошо спали, вам повезло с погодой!» И это не мелочи. Это включено в стоимость.

Официант в легком поклоне, подчеркнуто уважительно, продолжал вести беседу с пожилой парой: